

Станица населена частью донскими (нижнедонецкими), частью запорожскими казаками. За полтора века язык одних и других смешался, но песни сохранились чистыми, хотя и являются таким же общим достоянием, как и язык разговорный.

Вот с горы, покрытой целым лесом черешень и абрикос, слышится надрывной, щемящий дует:

... Почему ж ты, мой сад,
Так не ясно цветишь,
Осыпашься?
Ты куда, милый мой,
Убираешься?..

В эту песню из нижних садов врывается громкое, молодое:

... По двору ходила,
Коника водила...

А откуда-то, с „вышки“, время от времени четкий алыт докидывает:

... Ска-за-ла я девочка,
Что я замуж не пойду...

Здесь же, совсем вблизи, будто горленка плачет, надрывается:

Счастливая тебе путь-дорожка...
А я, млада, дома остаюся...

У Кубани, поставив ведра, побросав коромысла и баклаги, под хлопанье ладонями поют, приплясывая, дівчата:

... Я прошедшую неделю
Не брала в руки куделю...
Тяжко согрешила —

Молодого козаченька
Крепко полюбила...

А поодаль от них сидят две девушки-невесты, прислонились друг к другу чернокосыми головами и просят, благодаять:

... Козаче, соколе,
Візьми мене с собою...

Их казак еще дома. Еще только собравается в путь-поход. А вот, Бог знает из какого сада, слышится, что желает казачка, к которой уж не вернется казак с далекого края:

... Ды снялась бы я, полетела
Где мой милый лежит убит...
Да все бы я всточки его собрала...

И вся эта многоголосая, многогранная песня, ове-

вующая Кубань, отражает безграничную любовь казачки к своему казаку (казачеству), ее преданность установившемуся укладу жизни, ее вольный дух, ее равноправие с мужчиною.

Разве это случайность, что казачек-большевичек не было, что они никогда не произносили слово „товарищ“, что они инстинктивно уже в первых „гражданских“ комитетах усмотрели подкоп под казачество и так едко высмеивали комитетчиков?

А когда велась борьба, когда станицы буквально засыпались всевозможнейшими требованиями Добрармии, казачки, и по требованиям и без них, выносили все. До последней спідниці — на бинты. Далеко не единоличны случаи, когда казачка билась с большевиками в рядах войска.

К концу борьбы, когда победоносный клич неделимцев „На Москву!“ сменился насмешливым Убегай на Кубань, пока целенький...

и когда, за нелюбезный прием матушек рязанских, курских, орловских и т. д. и т. д., обвиняли не ее — единонеделимую Матушку, а казаков, называя их „изменщиками“, — в одной из ростовских газет иский кубанец подсчитал, что дала на „войну за Россию“ станица и что дал богатейший, русский по населению, Ростов (не говоря уже о других городах и весях земли Российской), — то сравнение получилось очень и очень невыгодное для великороссийского самолюбия. Станица дала не только больше, она дала все!

А можно ли обойти молчаньем нашу Гелгофу, наш крестный путь к Черноморскому побережью... И здесь казачка безропотно переносила невероятные душевные и физические страдания, а когда нужно было, умела и умереть...

И если мы ошиблись, если мы не смогли отстоять себя и Родину (и от врагов, и от „друзей“), мы знаем, что наши жены, наши матери и сестры не отягощали нашего положения своим плачем. Напротив, мы знаем, что они проклинали малодушных, придавали веры колеблящимся.

И если нам, під московским караулом, нудят білим світом наши верные помощники, мы знаем, что оживут они, что и под Красною Москвою сохранят они смысл и красоту казачьей жизни, что у них нельзя убить их гордого:

Я — Вольная Казачка!

Шамба Балинов.

Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.

(Окончание)*.

Черное море положило предел одному виду страдания калмычки. За ним началось страдание другого порядка: чужбина, тяжелые материальные лишения, мучительная гонка по оставленным „там“ родным и детям.

Но злой иронии судьбы калмычка становится политической эмигранткой. Как иногда судьба может зло подшутить! Калмычка — политическая эмигрантка, ищущая прибежище в чужом государстве и калмычка — коммунистка, проповедующая раскрепощение женщин всего мира — ярые шутки судьбы, курьезное недоразумение современности.

Как бы то ни было, но значительная группа женщин-калмычек очутилась в эмиграции, где с национальной точки зрения сыграла и продолжает играть замечательную роль.

Она здесь явилась той связующей и скрепляющей силой, которая сдерживала от весьма возможного безудержного распыления мужчин по лицу земли, способствовала сохранению на чужбине своих некоторых национальных особенностей.

Правда, и среди них оказались, как исключение, как уродливое явление, женщины, которые, подражая

европейкам, легко и быстро отказывались от всего калмыцкого. Но такие „революционные“ составляют буквально единицы. В основной же своей массе калмычка осталась той же неприхотливой, выносливой, доброй души женщиной, выполнявшей и выполняющей большую национальную миссию. Они поистине есть безыменные герои, молча делающие свое прекрасное дело.

Трудно сказать, что случилось бы с мужчинами-калмыками, если не было бы среди них этих безыменных героинь-женщин. Имеется один разительный пример, позволяющий предположительно угадывать — по какому направлению пошли бы мужчины.

В 1921 году из Константинополя была отправлена во Францию группа учеников-калмыков для поступления в школу. Теперь о них никто ничего не знает. Они-же, ученики, теперь достаточно „окультурившиеся“ в столице мира, всячески избегают встреч со своими сородичами, а при случайной встрече с ними, торпливо скрываются, — они ужасно стыдятся своего калмыцкого происхождения.

Но, слава Богу, этого не случилось с остальными калмыками-эмигрантами. И этому мы обязаны во многом нашим женщинам. К ней, как бабочки к свету

*). См. № 9 журнала.

лампы, стремились все одиночные мужчины, около нее грелись, находили душевный отдых, облегчали свои муки, рассеивали грусть-тоску...

Тут, конечно, не имели места мотивы романтического характера, хотя, правда, отдельные женщины, в силу сложившихся обстоятельств и под влиянием местных условий жизни, сравнительно легко, безразличнее стали смотреть на свои интимные отношения с мужчинами. Но такие составляют буквально единицы. Во всяком случае не было и нет ни одной калмычки, сделавшей это „дело“ своим ремеслом. А сблизившись, причины и возможности для этого были больше, чем достаточно.

Нет, в основе этой тяги к ней лежали совершенно другие мотивы: потребность видеть то, что своим образом живо напоминало бы Родину, что своей добротой облегчало бы горе. Она здесь являлась той доброй матерью, которая при всех своих несчастных думает и печется о своих детях.

В каждом беженском лагере, возле каждой женщины образовывались своеобразные „артели“ из родных и знакомых ей одиночных мужчин. Тут она являлась *поистине душой „артели“*: она *готовила* всем пищу, обмывала, обшивала всех; разнесет зимний нетер ветхую палатку — она же „подлежит“ и снова на голые крыша.

Кроме обслуживания своей „артели“, у нее везде и всегда находят другие работы: одинокие мужчины из русского беженского лагеря приносят то белье постирать, то подлатать, перешить босонжи, френч, рубаху и проч. Она неизменно и безотказно берет и аккуратно выполняет все приносимые ей работы. При этом она никогда не просит и не назначает цены за работу, а всегда молча ограничивается тем, что даст бедный, оборванный „воин“ — эмигрант.

И все, что она зарабатывает, идет на улучшение своего „артельного“ котла, служит подспорьем скудного французского пайка. Калмычка всегда смиренно примиряется с тем, что есть; она от души радуется, когда ей удается оказать ту или иную помощь людям, когда удается приветливым обращением, материнской лаской хоть на время рассеять разедающую душу тоску, порождаемую бессмысленным, бездельным сидением в отвратительных лагерях.

Скромность и простота органической частью лежат в ее природе. „Ты не лепечешь по французски, ты шелком не сжимаешь ног“ — сказал когда-то поэт о ней. Все же, какая огромная разница между калмычкой времен гениального русского поэта и современной! Теперь она и лепечет по французски и шелком сжимает ноги...

Пришел конец и лагерной жизни беженцев. Мужчины-калмычки стали поступать на службу в английский обоз, что сравнительно улучшило их материальное положение, дав возможность им оказывать помощь своим женщинам в благодарность за их доброту, за то, что так умело облегчали им вынужденное лагерное

сидение и дали возможность сравнительно легко пережить самый тяжелый период чужбины.

Миновал период хронического недоедания оставшихся в лагерях мужчин, ибо все поступившие на службу, по патриархальному обычаю, почитали своим нравственным долгом помогать всем братьям, не попавшим на службу. Положительно можно сказать, что не было ни одного калмычка, который не получал бы периодически от служащего в обозе своего собрата значительной по тому времени помощи.

Этим только и объясняется то, что в тяжелый период Константинопольской жизни, впадших в крайнюю нищету калмычков почти не было. Тут бессознательно, по старой традиции, осуществлялся принцип: „все за одного, один за всех“.

Затем началось окончательное распыление лагерей, расселение по разным странам. И калмычки устремились в эти страны. И здесь женщины играли и играют значительную роль, очень часто являясь главным материальным подспорьем своей семьи. Дело в том, что, в силу повсеместной безработицы, не всегда и не везде мужчины могли находить себе работу, особенно в первое время, вследствие чего многие семьи могли очутиться в безвыходно-тяжелом положении. Тут и оказали незаменимую услугу женщины.

Выше уже было сказано, что каждая калмычка, хорошо-ли, плохо-ли, умеет шить почти все предметы одежды. Вот это их умение и послужило им хорошей службой. Это относится, главным образом к калмычкам, живущим в Сербии и Болгарии. В этих славянских странах женщины-калмычки почти постоянно находят сносно оплачиваемую работу-шитье то в правительственных учреждениях (Интендантства), то в Красном Кресте, то у частных лиц. Иногда сами покупают материалы, шьют кожаные куртки, брюки, рубашки, из кусков старой одежды шьют домашние туфли и все это сбывают на базаре и сносно зарабатывают...

Таким образом, женщина во многих случаях является главной материальной опорой своей семьи, а все остальные члены семьи становятся на положение ее помощников: один шьет пелли, другой сбывает на базаре, третей орудует по кухонной части и т. д.

Иные мужчины, даже при наличии работы, предпочитают помогать женам в шитье, ибо это иногда бывает выгоднее. Как раньше в лагерях, так и теперь возле каждой семьи собираются несколько мужчин и живут „артельной“ жизнью.

Везде и всюду калмычка своей кротостью, обходительностью, одним своим видом служит живым напоминанием о прошлом калмыков. Вот почему все к ней тянутся, все около нее собираются.

Восьмой уж год продолжается это тяжелое испытание судьбы. Как было бы тяжело без этих женщин-страдалиц мужчинам-калмычкам и что могло бы напоминать им свое родное, калмыцкое?..

Международная жизнь.

Дипломатические комбинации. Покушение на итальянского короля. Коммунистический заговор в Японии.

Всеобщее внимание европейских политических кругов вызывает усиленная активность, проявленная Италией в международных отношениях. Последний месяц можно назвать месяцем свиданий Муссолини с министрами иностранных и иных дел различных европейских, а частью и не европейских государств. В Риме побывали министры: германский, турецкий, венгерский, румынский, греческий и, наконец, польский. Особый характер носило свидание Муссолини с гр. Бетленом, венгерским премьер-министром: гр. Бетлен приехал в Италию икогнито и Муссолини специально для него выехал навстречу в условленное место. Это последнее свидание дало повод венгерским газетам говорить о проекте нового блока государств из Италии, Венгрии,

Болгарии, Турции, Греции, Албании и Польши. Свидание итальянского диктатора с румынским министром иностранных дел поколебало эти утверждения, по поездка в Рим польского министра возобновила их в новой комбинации, на этот раз в чешской прессе. Дело, будто-бы, идет о новом континентальном блоке государств из Франции, Италии, Бельгии, Польши и Румынии. Задачей предполагаемого блока должно было бы служить, с одной стороны, быть оплотом против возможных агрессивных выступлений Германии, а с другой — против панславистской деятельности России, все равно какой, коммунистической или той, которая станет на ее место в будущем.

Слухи об этих проектируемых комбинациях вызвали в некоторой части Европы известную тревогу, но